

РАССКАЗЫ ОЧЕВИДЦЕВ О ДВЕНАДЦАТОМ ГОДЕ.

т. н

Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ типографіи
(КАТКОВЪ И КО). На Страстномъ бульварѣ.
1872.

РАССКАЗ ДВОРЯНКИ АНИСВИ ПАВЛОВНЫ ПОЛУЯРОСЛАВЦЕВОЙ.

Нас у родителей было двое: брат и я. В Двенадцатом году мне минуло девять, а брату десять лет. Жили мы в собственном доме, и отец мой, Павел Васильевич Коленин, был помощником квартальнаго надзирателя Сретенской части. Пред тем временем как пришли к нам Французы приказано было всей полиции выезжать из Москвы. Отец пришел в горе: куда ему ехать с Женой да с детьми? Решились мои родители обратиться к Марье Ивановне Римской-Корсаковой. Она меня крестила и любила все наше семейство. Марья Ивановна упросила полицеймейстера оставить здесь моего отца, который очень обрадовался, и подумал сейчас о том чтоб укрыть наше добро. Разобрали половицы в одной из комнат и все спрятали подъ пол. Однако все жители выбирались из города, наш квартал почти совсем опустел, и оставаться в своем доме одним, что среди пустыни, было невозможно. Мы знали что из Страстнаго монастыря ушло много монахинь и что келии их пусты, и отец попросил у игуменьи позволения переселиться в монастырь. Она согласилась. Но мы отдавали внаймы одну половину нашего дома, и жильцы наши были люди ненадежные. Они видели куда мы прятали наше добро, и мои родители боялись какъ бы они им не воспользовались.

Надо было тоже и их перевести в монастырь. И на это согласилась игуменья. Накануне вступления неприятелей мы все ушли на новыя квартиры и заперли дом. Я помню как на другой день все засуетились въ монастыре и закричали: „Французы идут!“ Все бросились на монастырские стены, и я, разумеется, туда же влезла посмотреть. Французы шли от Тверской заставы, полк за полком, конца им не было видно. Мне весело было слушать как они побрякивали саблями и я любовалась на их мундиры, а многие из старших плакали. Вступили они к нам в понедельник, а во вторник ли, въ среду ли, уж не припомню, целая толпа ворвалась въ монастырь и давай грабить. Монахини попрятались кто куда попало, а я убежала с братом в нашу келью, бросились мы под диван, лежим и молчим. На дворе было уже совсем темно. Страх на меня напал от темноты да от криков, которые раздавались на монастыре. Я протянула руку, чтоб ощупать тут ли брат, а он забился в угол, так что достать я его не могла. Мнъ показалось что он пропал, что его кто-то унес, и меня обдало холодным потом, а позвать его я не смела: боялась звука собственного голоса. Вдруг дверь отворилась, и два солдата шумно вошли со свечами в руках. Я себя не вспомнила от испуга и вскрикнула. Солдаты нагнулись, увидали нас и вытащили изъ-под дивана.

Мы были ни живы ни мертвы, и бросились вон из кельи. Мы побежали по монастырскому двору и стали громко выкликать отца и мать. Они ушли на монастырския стены. Отец не смел показаться неприятелям в своем мундире. Другаго платья у него не было, и он знал что кому другому, а служащему они пощады не дадут; а мать была еще молода и красива и боялась также встретиться с ними. Солдаты бегали по церквам и по кельям с зажженными свечами, а до нас не касались; к счастью, мои родители это видели, но все-таки каково им было слышать наши отчаянные голоса!

Наконец грабители ушли, и все успокоилось, а мы с братом вздохнули свободно лишь когда очутились с отцом и матерью в нашей маленькой комнате. На следующий день Французы опять пришли и заняли несколько келий. Все монастырские запасы они забрали, и бедным монахиням пришлось перебиваться кое-как. Под конец оне только и питались мерзлым картофелем, который вырывали въ соседних огородах. А родителей мы с братом спасали от голода да от притеснений. Приголубили нас Французы; видно жаль им было детей, и приносили они намъ хлеба и всякой всячины, и по их милости все наше семейство было сыто. Отец не выходил днем из нашей кельи, чтоб не показаться Французам; как они бывало идут, он спрячется куда-нибудь в темный угол, а лишь ранним утром, пока неприятели не показывались еще на улице, он хаживал взглянуть на наш домишко, и все было у нас в порядке на первых порах. А раз приходит он и видит что замок с двери сбит. Так у отца и замерло сердце. Вошел онъ в дом: половицы разобраны, и все наше добро украдено. Не на кого было подумать как на наших жильцов, опять же и знакомый сказывал отцу что шель мимо и видел как они все у нас грабили. Очень горевали отец и мать, а делать нечего: кому тут пожаловаться? Да уж Бог бы с ними что они нашим добром пользовались, а задумали они, по злобе, беднаго отца погубить, и объяснили Французам что здесь служащий от них прячется и знает где хранятся казенные деньги. Ворвались к нам Французы, вытащили отца изъ кельи, объяснили ему что он должен выдать им деньги. Ведь инья слова они говорить умели, а **ДЕНЬГА**, да **ДАЙ** уж так твердо знали. Он бедный стал божиться что иикаких у него денег нет, а они и слушать не хотят, и грозятся его убить. Один бросился на него со штыком. А мы с братом плохо понимаем чтоб делается, а только видим что отца обижают и подняли рев, а отец и указал им на нас и объясняете что сперва мол детей убейте, а потом уж и меня. Разсердился Француз, с сердцем даже штык в землю воткнул, и ушел, и отца они отпустили.

Я по глупости часто бегала за ворота посмотреть что там делается, и на какия я страсти нагляделась! Стою я раз и вижу из угольнаго дома, где теперь аптека Губицкаго, идетъ Женщина, и с ней Француз. Вдруг из того же дома выбегает наш Русский, и погнался за ними. Он поднял среди площади большой камень и нустил во Француза. Камень ударил в его голову и бедняк упал весь в крови; я помню как он застонал, а наш на него бросился и придушил его. Другой раз видела я как сбегался народ на площадь и Французов много тоже нашло. Я стою и смотрю. Что ж? Это они, злодеи, притащили наших вешать:

зажигателей, видишь, поймали. Какие зажигатели! Одного-то я узнала: из Корсаковского дома дворовый старик лолуслепой. Сбыточное ли дело ему зажигать, уж одна нога у него в гробу! А хватали кто под руку попался, и кричали что закигатели. Как накинули им веревку на шею, взмолились они, сердечные. Многие из наших даже заплакали, а у злодеев не дрогнула рука. Повесили их, а которых разстреляли, и тела тут оставили, вишь для примера, чтоб другие на них казнились. А я все смотрела, и не смела от страха ни шевельнуться, ни дух перевести. Вот все что я ясно помню о Двенадцатомъ годе, остальное мне мерещится словно въ тумане.

**Дом М.И. Римской-Корсаковой.
Тверской бул. д.24-26.**